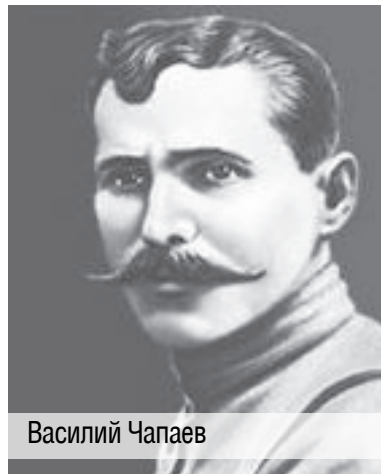

ТОЧКА НА КАРТЕ ГОРОДА | Сами жители решали, какое название должна носить их улица

Посёлок с живучим именем

Николай Каширин

Василий Чапаев

Пётр Протасов

Сергей Лазо

Посёлок Чапаева примечателен во всех отношениях. Это один из пяти самых первых посёлков Магнитогорска – его строительство началось в начале 30-х. Таким образом руководство Магнитострой пыталось решить сразу несколько жизненно важных проблем – жилья, продовольствия и текучки кадров.

В первую очередь право иметь собственное жильё предоставлялось передовикам производства. Для удобства директор комбината Завенягин предложил разработать типовые проекты 1- и 2-квартирных домов. Одними из первых в посёлке были застроены переулки Доменный и Мартеновский.

Своё первое название посёлок получил в 1936 году. Ему было присвоено имя красного командира Николая Каширина. Имя этого человека людям старшего поколения знакомо

хорошо. Родился Николай Каширин в Верхнеуральске, в семье казака-учителя, впоследствии станичного атамана. Получив хорошее начальное образование, Каширин несколько лет учительствовал, а затем поступил в Оренбургское казачье юнкерское училище, которое успешно окончил в чине хорунжего. В первую мировую сотник Каширин командовал конно-сапёрной командой 1-й Оренбургской казачьей дивизии. После октября 1917 года он становится на сторону советской власти. Формирует в Верхнеуральске красный казачий отряд для борьбы с белоказаками атамана Дутова. В июле 1937 года Николая Каширина назначают начальником управления боевой подготовки Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Однако показать себя на этом высоком посту он так и не успел.

Шофёр легендарного комдива Чапаева приезжал в Магнитку

В том же 37-м он был арестован в своей квартире.

После ареста Николая Каширина посёлок был переименован – в честь прославленного героя гражданской войны Василия Чапаева.

Многие улицы, которые появились в 30–40-е годы, впоследствии были переименованы. Так, соседняя с Прокатной улица Блюминга была переименована в улицу Сергея Лазо. Точнее, его именем стала называться одна из её частей. Вторая стала именоваться «переулок Фонтанный». Это название возникло не случайно, ведь в 30-е на этом месте планировалось строительство фонтана, как в Соцгороде. Но планы так и остались планами, а вместо фонтана появился жилой дом. Впрочем, одна из улиц посёлка Чапаева оказалась вне политических ветров и течений. Ини-

циаторами её названия выступили сами жители посёлка, обратившись к руководству города с просьбой увековечить в истории их малой родины имя Петра Протасова.

На Магнитострой Пётр Протасов приехал в начале 30-х из Мариуполя. Потеряв родителей в десять лет, он успел поработать и батраком, и поводырем у слепого, и чернорабочим на Мариупольском металлургическом заводе. Магнитка дала ему возможность начать жизнь с чистого листа. Протасов устроился в мартеновский цех № 3 машинистом завалочной машины. И довольно скоро его фамилия стала на предприятии синонимом самоотверженности, трудолюбия, ответственности. Многие из методов его работы позднее получили распространение на других металлургических предприятиях. В 1958 году, когда страна впервые отмечала День металлурга, было объявлено, что лучшим из лучших будут вручены правительственные

награды. В том числе высокое звание «Герой Социалистического Труда». Магнитке предстояло выбрать 15 человек, достойных этого высокого звания. Кандидатуру Петра Протасова утвердили единогласно. Не только производственными успехами был известен Пётр Протасов. Во многом благодаря его усилиям в посёлке Чапаева появился водопровод, были заасфальтированы и благоустроены несколько поселковых улиц.

Надо сказать, что это был единственный случай в истории трудовой Магнитки, когда о наименовании улицы ходатайствовали не родственники, не организации, а сами жители.

И ещё один примечательный факт. В 1966 году в Магнитогорске побывал шофёр Чапаева – Василий Васильевич Козлов. Тысячи километров исколесил он по дорогам гражданской войны рядом с комдивом. Уже в мирное время Козлов поселился в Челябинске, где и проживал до конца своих дней. В Магнитогорск шофёр Чапаева приезжал по приглашению городского общества «Знание». Он встретился с пионерами и школьниками, побывал на предприятиях и стройках, в цехах металлургического комбината. Навестил и проживавшего в городе своего однополчанина Ивана Гаврилина. Имя Чапаева оказалось вне времени и политических событий. А связанные с его именем названия населённых пунктов – одни из самых «живучих» в нашей истории. Появившиеся в 30–40-х, они по-прежнему существуют на картах российских городов и деревень, благополучно избежав переименования.

СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ | По местам боевой славы он прошёл дважды

Рисунки с поля боя

Человек, о котором пойдет речь, на войне вёл своеобразный дневник. Правда, события, происходившие с ним, он не записывал, а зарисовывал...

Рисовать Николай Тюкенеев (на фото) начал в раннем детстве. Чтобы занять делом не в меру активного внука, бабушка выдавала маленькому Коле бумагу и карандаш и просила нарисовать курицу. Рисовал он всё, что видел, всё, что удивляло и волновало его. Сначала в родном Фершампенуазе, а затем в Магнитогорске, куда семья переехала в 1930 году.

Приехали на возу с сеном, – вспоминает Николай Николаевич. – Поселились на 11-м участке, в новеньком бараке. Главное воспоминание тех лет – постоянный холод. Печка-буржуйка почти не давала тепла, приходилось вместе с сестрами прятаться под отцовской шубой, чтобы хоть как-то согреться...

Потом Тюкенеевы перееха-

ли на Щитовые, где Колю определили в детский сад. Когда началась война, Коле было шестнадцать: по меркам военного времени достаточно, чтобы наравне со взрослыми встать к станку – точить снаряды для «катюш». «Работал так, словно в одиночку хотел обеспечить этими снарядами всю Красную Армию!» – вспоминает ветеран. Едва дождавшись 17-летия, отправился на фронт добровольцем. Попал в ВДВ. Четыре месяца подготовки – и в Сталинград. Страшно было так, что словами описать невозможно. Но Николай продолжал зарисовывать всё, что видел вокруг. На спичечных коробках, на обрывках бумаг. Свои рисунки солдат Тюкенеев пронёс через всю войну. По мнению окружающих, они обладают уникальной, почти документальной достоверностью, и лучше иных мемуаров и рассказов позволяют понять, кто же он такой, обыкновенный солдат той войны.

На одном из его рисунков – разбомбленная переправа.

Это один из первых рисунков, сделанных на фронте.

– Ещё минуту назад раненые были живы и здоровы, и я пытался отговорить командира от переправы, хотя бы до темноты, – вспоминал Николай Тюкенеев. Рассказывая, он словно возвращался в те далекие дни. – Под Сталинградом мы были просто озверевшие. От страха, от усталости, от напряжения. Да и всё происходящее вокруг говорило только об одном: фашисты – звери, не заслуживающие пощады. Истребляли друг друга по-страшному. Наших, магнитогорских, тогда под Сталинград целый эшелон привезли. Правда, уцелели немногие, а в последние годы и вовсе ходячих 2–3 человека осталось. Вот и не знаешь, когда труднее терять людей: в бою или в мирное время.

«Война не похожа на её описания, она и проще, и сложнее. Её чувствуют, но не всегда понимают её участники. Её понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи», – писал Илья Эренбург. «А мы и не пытались понять

войну», – говорит фронтовик Тюкенеев. Вместе со своей 9-й гвардейской воздушно-десантной бригадой Николай Тюкенеев прошёл пол-Европы. И всегда рисовал, как только выдавалась свободная минута. Победу встретил в Чехословакии. Потом год прослужил в Венгрии, а затем поступил в Киевский художественный институт. Кстати, вместе с другими студентами он участвовал в реставрации разрушенного фашистами Софийского собора.

В Магнитогорск художник вернулся только в конце 50-х. Преподавал графику на кафедре архитектуры горно-металлургического института, а затем 13 лет проработал в школе № 53. В 1984 году, неожиданно для себя получил предложение от настоятеля Михайло-Архангельской церкви отца Флора расписать стены вновь отстроенного храма. В разгаре была очередная антирелигиозная кампания. Трудно было достать книги, иконы. Николай Николаевич признаётся, что запечатлел в образе одного из архангелов рано погибшего сына, а в облике Богородицы – свою жену. В общей сложности Димитровский храм Тюкенеев расписывал семнадцать лет.

Позже храм пережил реконструкцию и тюкенеевские росписи сменили работы другого художника. Но Николай Николаевич не в обиде. Его росписи много лет служили магнитогорцам и радостью, и утешением.

– А до Берлина я всё-таки дошёл, – со смехом вспоминал он. – Правда, уже в мирное время и в качестве туриста, а не солдата-освободителя. И по местам боевой славы прошёл ещё раз. Но даже с годами лучше понимать войну

не стал. Видимо, это удел исследователей – понимать и постигать, а очевидцы могут только вспоминать и заново переживать.

Самое человеческое, что можно сделать на войне – быстро довести её до конца. Франклин Рузвельт